

Часть II На европейской сцене

Глава 19 Мир султана

Петр был необыкновенно удачлив: пока он царствовал, России ни разу не пришлось воевать одновременно с двумя врагами. Польша, исконная соперница Москвы, благодаря договору 1686 года превратилась в союзницу. Война с Турцией вспыхнула было с новой силой, когда Петр предпринял Азовские походы, но прекратилась в августе 1700 года с заключением перемирия на тридцать лет, что позволило царю выступить против Швеции вместе с Польшей и Данией. В грозные годы до Полтавы, когда Карл XII казался непобедимым и его союз с турками мог бы стать роковым для России, султан соблюдал перемирие. Зато после Полтавы, когда от разгромленной шведской армии осталась колонна пленников, в Османской империи вдруг надумали вступить в войну с царем. Но даже тогда эта кампания едва не обернулась катастрофой для России, потому что Петр слишком понадеялся на свою удачу, а один из его новых союзников-христиан на Балканах оказался предателем.

* * *

Земли Османской империи, каждая пядь которых была завоевана мечом, простирались на трех континентах. Владения у султана были обширнее, чем у императоров Древнего Рима. Они охватывали всю юго-восточную Европу и побережье Северной Африки до границ Марокко; они вплотную подступали к берегам Каспия, Красного моря, Персидского залива; Черное море представляло собой внутреннее «турецкое озеро». Сидя в Константинополе, султан правил великими городами, столь отдаленными друг от друга и столь несхожими, как Алжир, Каир, Багдад, Иерусалим, Афины и Белград. На бывших территориях Османской империи уместилось больше двух десятков современных государств.

Эти бескрайние просторы вмещали и горы, и пустыни, и реки, и плодородные долины; здесь жило примерно 25 миллионов человек – огромная цифра по тем временам, почти вдвое превышающая численность населения любого европейского государства или империи, кроме Франции. Империя османов была мусульманской – посреди ее владений, в сердце Аравии, лежали священные города Мекка и Медина. Турецкий султан, он же халиф – повелитель правоверных, обязан был хранить и оберегать святыни ислама. Турки-османы составляли господствующую группу мусульманского населения империи; здесь жили также арабы, курды, крымские татары, народы Кавказа, боснийцы и албанцы. Кроме того, султану были подвластны миллионы христиан – греки, сербы, венгры, болгары, румыны, молдаване и другие.

Стоит ли говорить, что политические связи, объединявшие эти разноязычные народы, приверженные разным религиям, были слабы и ненадежны. Султан находился в Константинополе, а на местах власть представляла пестрая стая пашей, князей, наместников, беев, ханов и эмиров, причем некоторые из них подчинялись султану лишь номинально. Например, христианских князей богатых провинций Валахии и Молдавии назначал сам султан, но, по сути, они правили автономно и все их обязанности перед центральной властью сводились лишь к ежегодной уплате дани. Каждый год повозки, груженные данью в золотой и иной монете, прибывали с севера к Высокой Порте в Константинополе. Власть крымского хана над полуостровом была абсолютной, и только когда султан призывал его на войну, он выступал из своей столицы, Бахчисарая, и являлся под знамена своего сюзерена во главе 20 000–30 000 всадников. В 1200 милях к западу лежали государства берберов – Триполи, Тунис и Алжир. В военное время они служили своему османскому повелителю тем, что направляли быстроходные корсарские суда – на которых в обычное время с выгодой

промышляли пиратством, грабя всех без разбора, – против флотов Венеции и Генуи, мощных христианских морских держав.

В XVI веке, при султани Сулеймане Законодателе, или, как называли его европейцы, Сулеймане Великолепном (1520–1566), Османская империя достигла наивысшего расцвета. Это был золотой век Константинополя⁴⁷ – в город стекались огромные богатства, здесь возводились величественные мечети, а по берегам Босфора и Мраморного моря строились прекрасные загородные дворцы. Сам Сулейман покровительствовал литературе, искусствам и наукам; он увлекался музыкой, поэзией и философией. Но прежде всего он был воином. Османские армии двигались на север, по большой военной дороге, которая вела в Белград, Буду и, наконец, в Вену, и там, где они проходили, среди Балканских гор и долин, вырастали мечети и минареты. Христианские монархии Запада, возмущенные этими явными символами исламской оккупации, смотрели на турок как на угнетателей греков и других христианских народов Востока. Однако Османская империя, более великодушная в этом отношении, чем большинство европейских государств, терпимо относилась к иноверцам. Султан официально признал Греческую церковь и подтвердил юрисдикцию ее патриарха и архиепископов, а православные монастыри сохранили свое имущество. Турки предпочитали управлять посредством уже существующих местных структур власти, так что христианским провинциям было позволено, при условии уплаты дани, сохранять собственную систему государственного устройства и сословной иерархии.

Любопытно, что как раз своим христианским подданным турки-османы оказывали высочайшую честь: из их числа набирались чиновники центральной имперской администрации и формировались особые полки султанской гвардии – янычар⁴⁸. В покоренных балканских провинциях переход в ислам открывал способным христианским юношам дорогу к успеху. Их посылали – поначалу насильно – в мусульманские школы, где они получали суровое воспитание, направленное на то, чтобы искоренить всякую память о матери, отце, братьях и сестрах, истребить в их душах малейшие следы христианства. Они воспитывались в беззаветной верности Корану и султану и пополняли ряды его бесстрашных приверженцев, готовых нести любую службу. Самые одаренные попадали ко двору или на выучку в государственные учреждения и могли подняться к вершинам власти. Этот путь прошли многие выдающиеся люди, и нередко могущественной Османской империей управляли те, кто был рожден в христианстве.

Но большинство молодых людей поступало в гвардейские янычарские полки. Всю свою жизнь, с самого детства, они жили в казармах – им запрещалось жениться и заводить семью, чтобы их преданность султану оставалась безраздельной. По своему положению янычар ничем не отличался от раба; казарма была его домом, ислам – его верой, султан – его повелителем, а война – его службой. В ранние века существования империи янычары напоминали орден фанатичных монахов-воителей, приносивших обет сражаться с врагами Аллаха и султана. В османской армии они составляли стальной корпус великолепно обученной, надежной пехоты, и во всей Европе не было войск, равных янычарам, пока не появилась новая французская армия Людовика XIV.

Отряд янычар представлял собой живописное зрелище. Они носили красные шапки, расшитые золотом, белые рубахи, пышные шаровары и желтые сапоги. Янычары личной гвардии султана отличались красными сапогами. В мирное время они были вооружены только кривой саблей, но, отправляясь в бой, янычар мог выбирать оружие на свой вкус – копье, меч, аркебузу или, позднее, мушкет.

⁴⁷ В названии города на Босфоре автор следует европейской традиции, хотя после 1453 г., когда Константинополь был захвачен турками, он получил новое название – Стамбул (по-турецки Истанбул). – *Примеч. ред.*

⁴⁸ Здесь допущена неточность. Немусульманам в Османской империи был закрыт доступ к административной и военной карьере. Поэтому подняться по служебной лестнице христианин мог, лишь перейдя в ислам, как и описано далее у автора. – *Примеч. ред.*

В XIV веке янычар было 12 000, а в 1653 году их насчитывалось 51 647 человек. Со временем янычарам солидного возраста позволили выходить в отставку и обзаводиться семьей. И мусульманские, и христианские семьи мечтали, чтобы их сыновей зачислили в корпус, и в конце концов круг тех, на кого распространялась эта привилегия, был ограничен сыновьями и родственниками бывших янычар. Янычары превратились в наследственную касту свободных людей. В мирное время они, как и стрельцы, занимались ремеслами и торговлей.

Постепенно, подобно гвардейским частям во многих других странах, они сделались опаснее для собственных хозяев, чем для их врагов. Великие визири и даже султаны приходили к власти и низвергались по прихоти янычар, пока в 1826 году корпус не был расформирован.

* * *

С моря древний Константинополь казался бескрайним цветущим садом. Над голубыми водами Босфора и Мраморного моря, над темной зеленью кипарисов и цветущими шапками фруктовых деревьев высились купола и минареты одного из прекраснейших городов мира. И сегодня Стамбул полон жизни, но он больше не столица. Правительство Турецкой Республики переместилось в строгую современную чистоту Анкары в центре Анатолийского плато. В XVII же веке Константинополь был столицей мусульманского мира, военным, административным, торговым и культурным центром могущественной Османской империи. Его население достигало 700 000 – такого количества жителей не было ни в одном европейском городе, как не было и такого количества всевозможных рас и религий. Повсюду виднелись величественные здания мечетей, медресе, библиотек, больниц и общественных бань. На базарах и пристанях громоздились товары из всех уголков мира. В парках и садах благоухали цветы и фруктовые деревья. Весной зацветал шиповник, в густых зарослях живых изгородей разливались соловьи.

Там, где бухта Золотой Рог разделяет Босфор и Мраморное море, над городом вознесся Топкапы Сарай – султанский дворец, а точнее, дворцовый комплекс. Здесь, за высокими стенами, скрывались бесчисленные хоромы, казармы, кухни, мечети, сады с журчащими фонтанами и длинные кипарисовые аллеи, обсаженные розами и тюльпанами⁴⁹. Город в городе, существовавший исключительно ради удовольствия одного человека, дворец невероятно дорого обходился подданым султана. Каждый год из всех провинций империи сюда плыли корабли и тянулись повозки, груженные рисом, сахаром, горохом, чечевицей, перцем, кофе, миндалем, финиками, шафраном, медом, солью, сливами в лимонном соке, уксусом, арбузами. Как-то раз даже привезли 780 телег снега. Внутри этого города султану прислуживали 5000 человек. Султанским столом распоряжался главный хранитель скатерти, которому помогали старший над подносителями подносов, податели фруктов, солений и маринадов, шербета, старшина кофеваров и податель воды (султаны-мусульмане были трезвенниками). Имелся также старший наматыватель тюрбана со штатом помощников, хранитель султанского платья, начальники мойщиков и банщиков. В штате старшего цирюльника состоял маникюрщик, который каждый четверг приводил в порядок ногти султана. Сверх того были зажигатели трубок, открыватели дверей, музыканты, садовники, конюхи и целая армия карликов и глухонемых – последних султан использовал как гонцов, но особенно незаменимы они были в качестве прислуги, когда требовалась строгая

⁴⁹ Описание Топкапы дано поверхностно. Это был центр политической и административной жизни империи, здесь, как в Московском Кремле, сосредоточивались все центральные государственные учреждения, решались все государственные дела. В Топкапы было три части – три двора. В первом дворе располагалось управление финансами, архив, монетный двор, арсенал. Во втором находился Диван – совещательный совет при султани, а также канцелярия султана и государственная казна. В третьем дворе была резиденция султана, его гарем и сокровищница. Рядом с Топкапы жил великий визирь, а также размещались казармы янычарского корпуса численностью до 12 тыс. человек. – *Примеч. ред.*

конфиденциальность.

Но и сам этот тщательно скрываемый от глаз подданных дворец служил лишь внешней оболочкой внутреннего, еще более пристально оберегаемого частного мира – гарема. Арабское слово «харам» означает «запретный», и султанский гарем был запрещен для всех, кроме самого султана, его гостей, обитательниц гарема и евнухов – их стражей. Из дворца туда можно было попасть лишь по одному-единственному переходу, который преграждали четыре двери, две железные и две бронзовые. Каждую из дверей день и ночь охраняли евнухи, которым был доверен единственный набор ключей. Переход этот приводил в запутанный лабиринт роскошных покоев, коридоров, лестниц, потайных дверей, внутренних дворов, садилов и бассейнов. Ко многим комнатам со всех сторон примыкали другие помещения, и поэтому свет просачивался в них сверху, сквозь витражи в застекленных куполах и крышах. Стены и потолки султанских покоев покрывали сложные узоры из голубых и зеленых никейских изразцов. Полы устилали яркие ковры, тут и там стояли низкие диваны, на которых обитатели могли сидеть «по-турецки», скрестив ноги – потягивать крепкий кофе или вкушать фрукты. В тех комнатах, где султан любил с глазу на глаз побеседовать с советником, имелись фонтаны, своим журчанием не дававшие любопытным ушам расслышать, о чем идет речь.

Гарем был замкнутым миром чадры, сплетен, интриг и, когда бы ни пожелал султан, телесных усад. Но кроме того, это был мир, подчинявшийся строгим правилам протокола и субординации. До Сулеймана Великолепного султаны официально женились; ислам позволял им иметь четырех жен. Но жена Сулеймана, рыжеволосая славянка по имени Роксолана, с такой настойчивостью вмешивалась в государственные дела, что с той поры османские султаны жениться перестали и правительницей гарема стала мать султана. Турки верили, что «под ногами матери лежит небо» и что, сколько бы ты ни имел жен и наложниц, мать у тебя одна и никто на свете не может заменить ее. Иногда, если султан был слишком молод или слаб характером, его мать сама давала распоряжения от его имени великому визирю. Место после матери султана занимала мать наследника престола, если таковой имелся, а за ней – другие женщины, родившие сыновей от султана, и только потом все остальные одалиски, или наложницы. Все эти женщины, по крайней мере формально, являлись рабынями, а поскольку обращать в рабство мусульманку не полагалось, то, следовательно, весь гарем составляли иностранки – русские, черкешенки, венецианки, гречанки. С конца XVI века большинство женщин поступало в гарем с Кавказа – жительницы этих мест славилась своей красотой. Однажды переступив порог гарема, женщина оставалась в нем навсегда. Исключений быть не могло.

Оказавшись в гареме, обычно в десять-одиннадцать лет, девочка усердно постигала науку обольщения у опытных наставниц. Пройдя полный курс, девушка с надеждой ожидала момента предварительного одобрения, когда султан бросал к ее ногам платок, и она становилась «гезде» («замеченной»). Не всякая «гезде» дожидалась счастливого мига, когда ее призывали к султану и она превращалась в «икбал» («побывавшую на ложе»), но уж те, кому повезло, получали собственные покои, слуг, драгоценности, наряды и денежное содержание. А так как женщины гарема полностью зависели от того, насколько доволен ими султан, то все они жаждали попасть на его ложе, а оказавшись там, изо всех сил старались ему угодить. Они так усердствовали, что несколько султанов, пресытившись бесконечными днями и ночами страсти с этими полчищами пылких, полных обожания женщин, попросту помешались.

В этот уединенный женский мир не позволялось проникать ни одному мужчине, кроме султана. На страже гарема стояли евнухи. Сначала евнухи были белые – их большей частью вывозили с Кавказа, как и женщин для гарема. Но к началу XVII столетия все двести евнухов, охранявших гарем, были чернокожими. Обычно их покупали еще детьми, когда приходил ежегодный караван с рабами с верховьев Нила, и по дороге, возле Асуана, кастрировали. Любопытно, что, поскольку исламом это запрещено, то операцию производили копты – христианская секта, живущая в этом районе. Искалеченных мальчиков

затем преподносили султану в подарок от его наместников и губернаторов Нижнего Египта.

Теоретически евнухи были рабами и слугами рабынь – обитательниц гарема. Но нередко они приобретали большую власть благодаря своей близости к султану. В непрерывном круговращении дворцовых интриг женщины в союзе с евнухами могли серьезно влиять на приливы и отливы султанских милостей, на распределение должностей. Со временем начальники черных евнухов, имевшие звание «кызлар агасы» – «господин девушек», или «ага Дома блаженства», стали нередко играть большую роль в государственных делах, превращаясь в грозу всего дворца, и иногда занимали третье место в имперской иерархии после султана и великого визиря. Ага черных евнухов всегда был окружен пышной роскошью, располагал множеством привилегий и большим штатом прислуги, в который входило и несколько его собственных наложниц, чьи функции, надо признаться, трудно себе представить.

В гареме, как и во всей империи, на султана смотрели как на полубога. Ни одной женщине не позволялось являться к нему без вызова. При его приближении всем полагалось быстро скрыться. Один из султанов, дабы известить о своем приближении, носил туфли на серебряной подошве, звеневшей по каменным плитам переходов. Собираясь купаться, султан сначала отправлялся в комнату для переодевания, где юные рабыни снимали с него одежды; затем в комнату для массажа, где его тело умащали маслами; затем в купальню с мраморной ванной, фонтанами горячей и холодной воды и золотыми кранами: здесь, если он желал, его мыли – обычно эта обязанность возлагалась на довольно пожилых женщин; наконец, его одевали и умащали благовониями – снова молодые женщины. Когда султану угодно было повеселиться, он направлялся в зал для приемов – чертог в голубых изразцах, устланный малиновыми коврами. Там он восседал на троне, его мать, сестры и дочери рассаживались на диванах, а наложницы – на подушках на полу, у ног султана. Если устраивались пляски танцовщиц, то могли призвать придворных музыкантов, но в этом случае им тщательно завязывали глаза, чтобы оградить гарем от мужских взглядов. Позднее для музыкантов построили над залом балкон с таким высоким бортом, что любопытные взгляды не могли за него проникнуть, но музыка была хорошо слышна.

В этом чертоге султан иногда принимал иностранных послов, восседаая на мраморном троне в длинном парчовом одеянии с собольей оторочкой и в белом тюрбане, украшенном черно-белым плюмажем и гигантским изумрудом. Обычно он поворачивался в профиль, чтобы ни один неверный не посмел взглянуть прямо в лицо султана – земной Тени Аллаха.

* * *

Пока существовала Османская империя, она всегда оставалась завоевательным государством. Вся полнота власти находилась в руках султана. Если султан был сильным и одаренным человеком, империя процветала. Если он был слаб, империя начинала рассыпаться. Неудивительно, что от гаремной жизни среди пылких женщин и потакающих любой прихоти евнухов порода, которая пошла от победоносных завоевателей, почти совсем выродилась. Еще одно обстоятельство, действуя постепенно на протяжении долгой истории Османской империи, приводило к ухудшению личных качеств султанов. Началось это, как ни странно, с акта милосердия. До XVI века существовала османская традиция, по которой тот из многочисленных султанских сыновей, кто приходил к власти, немедленно приказывал передуть всех своих братьев, чтобы ни один не мог посягнуть на трон. Султан Мурад III, который правил с 1574 по 1595 год, произвел на свет больше сотни детей, из них двадцать сыновей его пережили. Старший, взойдя на престол под именем Мехмета III, уничтожил девятнадцать своих братьев, а кроме того, в стремлении наверняка избавиться от возможных соперников, убил семь беременных наложниц своего отца. Однако в 1603 году новый султан, Ахмед I, покончил с этим кошмарным обычаем, отказавшись душить братьев. Вместо этого он, чтобы их обезвредить, замуровал всех в особом павильоне, так называемой «клетке», где они и жили, лишённые всякой связи с внешним миром. С тех пор все османские принцы

проводили там в безделье свои дни, окруженные евнухами и наложницами, которые, во избежание появления потомства, были по возрасту неспособны к деторождению. Если все-таки по недосмотру рождался ребенок, то его умерщвляли, чтобы не усложнять генеалогическое древо правящего рода. Поэтому, если султан умирал (или бывал смещен), не оставив сына, то из «клетки» призывали его брата и объявляли новой земной Тенью Аллаха. Среди этого сборища невежественных, расслабленных принцев крови янычары и великие визири редко могли отыскать человека, обладающего достаточным умственным развитием и политической зрелостью, чтобы управлять империей.

Во все времена, но в особенности тогда, когда султан бывал слаб, фактически Османской империей правил от его имени великий визирь. Из внушительного здания, возведенного в 1654 году рядом с дворцом и известного европейцам как Высокая Порта, великий визирь осуществлял надзор за администрацией и армией империи – он контролировал все, кроме султанского дворца. Официально великий визирь считался слугой султана. Вступая в должность, он принимал из султанских рук перстень с печатью; сигналом к его отставке служило требование возвратить государственную печать. На деле же великий визирь был подлинным правителем империи. В дни мира он являлся главой исполнительной и судебной власти. Во время войны он выступал как главнокомандующий действующей армии, а при нем состояли янычарский ага и капудан-паша, то есть адмирал. Он руководил заседаниями своего совета – Дивана – в большом сводчатом зале, стены которого украшала мозаика, арабески, синие с золотом драпировки. Здесь восседали на скамьях, тянувшихся по кругу вдоль стен, высшие чиновники империи, и цвета их отороченных мехом одежд с широкими рукавами – зеленый, фиолетовый, серебристый, синий, желтый – означали их ранг. Посредине сидел сам великий визирь в белом атласном наряде и тюрбане с золотой каймой.

Должность великого визиря давала огромную власть – случалось, что великие визири низвергали султанов, – но она была и крайне опасна, так что у ее обладателя было немного шансов умереть своей смертью. Вина за военное поражение возлагалась на великого визиря, а там неизбежно следовало его смещение, ссылка, а нередко и удушение. Только выдающиеся мастера интриги могли добиться этого поста и удержаться на нем. Между 1683 и 1702 годами двенадцать великих визирей сменили друг друга в Диване и в Высокой Порте.

И все-таки в XVII веке именно великие визири спасли империю, пока султаны нежились в гаремах, потакая своим наклонностям и прихотям⁵⁰. К этому времени центральная власть до того захирела, что венецианские корабли курсировали вблизи Дарданелл, а днепровские казаки на своих «чайках» разбойничали на Босфоре. Империя захлебывалась в коррупции, распалась на куски, погружаясь в анархию, и спасли ее три представителя одного рода – а в сущности, династии – великих визирей: отец, сын и зять.

В 1656 году, когда империя находилась на грани гибели, гаремная камарилья вынуждена была назначить на пост великого визиря сурового албанца семидесяти одного года от роду – Мехмеда Кёпрюлю, который принял за дело, не ведая жалости. Казнив 50 000–60 000 человек, он полностью очистил османскую администрацию от взяточничества и коррупции. Когда пять лет спустя он умер, распад империи уже приостановился. При его сыне Ахмеде Кёпрюлю и позднее при его зяте Кара Мустафе произошло кратковременное возрождение Османской империи. Флоты и армии христианских держав – Австрии, Венеции и Польши – были отброшены от ее границ. В 1683 году, в ответ на призыв венгров о помощи против императора Леопольда, Кара Мустафа решил взять Вену. Более чем 200-тысячная армия, подняв знамена и бунчуки, ведомая самим Кара Мустафой, поднялась по Дунаю,

⁵⁰ Один султан, Ибрагим Безумный, заключил свою бороду в алмазную сетку и проводил время, бросая золотые монеты рыбам в Босфоре. Он не желал ничего видеть и осязать, кроме мехов, и ввел особый налог, который шел на покупку соболей из России, чтобы обить стены в султанских покоях этими драгоценными мехами. Полагая, что чем женщина крупнее, тем она приятнее, он разослал гонцов искать по всей империи самых толстых женщин. Ему привезли невероятных размеров армянку, которая так восхитила султана, что он осыпал ее богатствами и почестями и наконец сделал правительницей Дамаска.

завоевала всю Венгрию и во второй раз в истории Османской империи подступила к стенам австрийской столицы. Все лето 1683 года Европа с волнением следила за событиями. Полки солдат из германских государств вставали под знамена австрийского императора, чтобы сразиться с турками. Даже Людовик XIV, заклятый враг Габсбургов и тайный союзник турок, не мог не оказать помощь в спасении великого христианского города. 12 сентября 1683 года союзническая армия подоспела на выручку, с тыла атаковала линии турецкой осады и обратила турок в бегство вниз по Дунаю. По приказу султана Кара Мустафа был удушен.

После разгрома под Веной турок преследовали сплошные несчастья. Пала Буда, за ней Белград, австрийские войска подошли к Адрианополю. Прославленный венецианский адмирал Франческо Морозини овладел Пелопоннесом, пересек Коринфский перешеек и осадил Афины. К несчастью, во время обстрела города одно ядро попало в Парфенон, где турки устроили пороховой склад, и 26 сентября 1687 года этот храм, до тех пор сохранявшийся почти в первозданном состоянии, взорвался и приобрел теперешний вид.

В 1703 года янычары сместили султана Мустафу II в пользу его тридцатилетнего брата Ахмеда III, который взшел на престол после заточения в «клетке» и правил двадцать семь лет. Угрюмый, неуравновешенный, всю жизнь находившийся под большим влиянием матери, этот эстет любил женщин и поэзию; еще любил он рисовать цветы. Он имел также пристрастие к архитектуре, строил красивые мечети, чтобы доставить удовольствие своим подданным, и разбивал прекрасные сады, чтобы доставить удовольствие самому себе. Вдоль берегов Золотого Рога он возвел ожерелье роскошных павильонов – некоторые в китайском стиле, некоторые во французском – посиживал там в тени деревьев, окруженный любимыми наложницами, и слушал стихи. Ахмед любил театральные представления; зимой при дворе ставились замысловатые спектакли китайского театра теней, после которых гостям раздавали драгоценные камни, сладости и почетные халаты. Летом устраивали искусные потешные морские бои и фейерверки. Его двор был охвачен тюльпаноманией. Весенними вечерами султан с придворными в сопровождении музыкантов прогуливался по саду, увешанному фонариками или пронизанному лунным светом, аккуратно ступая среди сотен черепашек, которые ползали в тюльпанах и в траве с зажженными свечками на панцирях.

В этой замкнутой, благоуханной атмосфере Ахмед III существовал в те же самые годы, которые стали свидетелями деятельного, бурного царствования Петра в России. Правление Ахмеда длилось дольше, чем петровское, и под конец обрело типично османский привкус. В 1730 году империю вновь охватили беспорядки и Ахмед думал утихомирить своих врагов, приказав задушить тогдашнего великого визиря – и одновременно своего зятя, – а его тело выдать толпе. Но это лишь на время отдалило собственную гибель султана. Вскоре он был свергнут и смещен на престоле своим племянником – он-то и отравил Ахмеда.